

КОНЦЕПТ `ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО` КАК КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА ИЗМЕНЕНИЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Лариса КОМПАНЦЕВА (Киев, Украина)

У статті описується історія формування концепту інформаційне суспільство, простежується його вплив на модифікацію мовної картини світу і мовну свідомість особистості та співтовариств, досліджується можливий деконструктивний вплив на мовну особистість та формування мережесих співтовариств.

The article describes the history of the formation of the concept of the information society, there is its impact on the modification of linguistic knowledge and linguistic consciousness of the individual and community, examining the possible negative impact on linguistic identity and building a network communities.

Понятие *информационное общество* прочно вошло в систему координат современного мира. Незавоеванные территории сохранились только в инфосфере, а потому поиск новых коммуникативных возможностей, формирование языковой мира как отдельных сетевых сообществ, так и глобального информационного сообщества приобретают все более значимый лингвистический потенциал.

Цель данной статьи: проследить влияние концепта *информационное общество* на формирование языковой картины мира в международном дискурсе. **Задачи** статьи: описать историю формирования концепта *информационное общество*, проследить его воздействие на модификацию языковой картины мира и языкового сознания личности и сообщества, выявить возможное деструктивное влияние на языковую личность и формирование сетевых сообществ.

Идея информационного общества возникла в начале 1960-х годов и до середины 1980-х возможность информационной революции была объектом всесторонних обсуждений. Первые аналитические исследования информационного общества были сделаны еще в 1962 году в работе «Производство и распределение знаний в США» Фрица Маклупа, а затем – в исследовании 1974 года «Информационная экономика» Марка Поратса. Европу проблема информационного общества заинтересовала в конце 1970-х, что было отмечено появлением исследования Р. Поирера «Информационный экономический подход: характеристики, ограничения и возможные перспективы» [13]. В начале 1990-х интерес к информационному обществу, казалось бы, иссяк, но появление Интернета вновь стимулировало исследования информационного общества.

Целостной теории информационного общества на настоящий момент не существует. Это обусловлено, прежде всего, тем, что исследованием информационного общества занимается целый ряд наук – социология, теория коммуникации, социолингвистика, психолингвистика и др. А потому теория информационного общества должна носить междисциплинарный характер.

Существующие на сегодняшний день в лингвистике подходы к исследованию концепта *информационное общество* могут быть объединены в следующие группы:

- изучение информационных ресурсов общества, их структуры, коммуникативно-прагматических особенностей;
- исследование информационного потенциала языкового общества, его структуры, динамики развития, закономерностей формирования;
- исследование новых возможностей языковой личности, языковой картины мира, языкового сообщества;
- языковая личность информационного общества как межкультурный и межнациональный феномен, новые коммуникативно-прагматические условия формирования языковой личности;
- проблема электронной коммуникации в информационном обществе;
- проблемы жизненной среды обитания человека в информационном обществе и их воздействие на психофизиологическое состояние личности.

Понятие *информационное общество* вошло в мировую научную и общественно-политическую терминосистему. В настоящее время существует множество определений феномена *информационное общество*. Его называют *индустриальным, эпохой*

постмодернити, обществом знания, научным, телематическим, постнефтяным. Смысловые модификации понятия *информационное общество* в различных странах демонстрируют социально-политические, общественные, научные перспективы развития этого феномена: ‘национальная информационная инфраструктура’ (США), ‘информационное общество’ (Совет Европы), ‘информационная магистраль’ (Канада, Великобритания). Учитывая важность создания и развития информационного общества, 27 марта 2006 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию (A/RES/60/252), которая провозгласила 17 мая Международным днем информационного общества.

Идея информационного общества приобретает концептуальные черты. Приведем некоторые определения.

Информационное общество – это общество, основанное на информации.

Парламентская Ассамблея Совета Европы, 1997

Часто информационное общество отождествляют с одним из его элементов, например, с информатизацией (как в указе президента) или с оффшорным программированием. Но это очень узкий подход. Информационное общество состоит из многих компонентов, и каждая страна может реализовать свою стратегию с учетом собственной культуры, истории, возможностей и ресурсов.

Интервью президента фонда «Информационное общество Украины» А. Колодюка журналу «Эксперт» (www.expert.ru/ukraine/current/41-itrk.shtml)

Информационная супермагистраль – это более чем Интернет. Это целая серия компонентов, включающих совокупность общественных и личных, высокоскоростных, ограниченных и развернутых сетей, которые существуют сегодня и появятся завтра.

«Преимущества информационной супермагистрали» (National Information Infrastructure Advisory Council). Отчет НИАС, 1996

Понятие *информационное общество* было актуализировано в США сенатором Аланом Гором во время президентской кампании 1991–1992 гг. В Европе оно закрепилось в плане действий по проблемам информационного общества, разработанном Европейской Комиссией, и окончательно вошло в международный лексикон на Саммите 1995 года по вопросам Глобального Информационного Общества.

Первые четыре принципа, ставшие основополагающими для создания глобальной информационной инфраструктуры, были сформулированы Гором на встрече в Буэнос Айресе в 1994 году:

- личные инвестиции и здоровая конкуренция являются лучшими путями для обеспечения развития;
- регулирование должно быть гибким, отбрасывающим устаревшее и в то же время сохраняющим верность главным идеалам технических и прикладных наук;
- доступ должен быть открыт;
- универсальность связи должна быть гарантирована [10: 227].

Таким образом, понятие *информационное общество* приобретает концептуальный статус и прочно входит в международный дискурс. История концепта тесно связана с историей становления самого информационного общества, которая уходит корнями в глубокую древность. Лабораторией ИАФРАН Института экономических стратегий было осуществлено исследование «Глобализация: новый цивилизационный контекст», в котором воссоздана история становления информационного общества [1]. Исследователи отмечают, что осмысление глобальной трансформации мира является сейчас едва ли не основным интеллектуальным занятием гуманитарного научного сообщества. Подводя итог всем нынешним дискуссиям о будущем глобального информационного общества, ученые делают вывод о том, что современная цивилизация переживает универсальную трансформацию, в которой уже заметны черты новой эпохи. Но подобные периоды в истории общества уже наблюдались.

Истоки почти двухтысячелетней цивилизации Модерна (*Modernus*) могут быть обнаружены в христианском сознании. Христиане еще на заре новой цивилизации называли себя *moderni*, отличая, таким образом, свою общность от людей предшествовавшего, ветхого мира – *antiqui*.

Чем больше определялись государственные границы, чем более формировался цивилизационный миропорядок, тем большее значение отводилось коммуникации: человек выходил за пределы своего узкого мира, становился мерой развития цивилизации. Изменение государственных и национальных границ приводит к изменению границ коммуникативного пространства; новый социальный строй, новая система международных отношений продуцируют новое качество информации и коммуникативно-прагматических связей человека и универсума. «После драматических событий Черной смерти (1348–1349), Столетней войны (1337–1453), окончания Реконквисты (1492) распадается прежний, универсальный, не особенно считавшийся с границами государств круг жизни, и в Европе утверждается новое мировосприятие, проникнутое духом земного обустройства бытия, непривычного ранее патриотизма. Вместе со стремлением к снятию феодальных препон и развитием внутреннего рынка новое состояние общества прямо ведет к возникновению такого основополагающего института современности, как суверенное национальное государство, этого фундамента социальной конструкции Нового времени и соответствующей системы международных отношений» [1].

Антропоцентризм явился основой не только многих социальных и научных преобразований, но и сыграл важную роль в создании новой парадигмы мировой коммуникации – информационной. Индустриальный характер трансформаций обусловил глобализацию технологических, социальных и научных сфер. Человечество начинает задуматься о возможности исчерпания пределов планеты, а также над проблемой контроля глобальных ресурсов планеты для их долгосрочного и устойчивого перераспределения. С этим же связано и развитие масштабного рекламного допинга, необходимость в создании, развитии и поддержании многочисленных искусственных потребностей у населения Земли. Все эти факторы привели к концу столетия, по мнению исследователей, к превращению научного сообщества во вполне самодостаточную субкультуру.

Вектор развития современного общества определяется, с одной стороны, процессами оптимизации и глобализации, с другой стороны, – интенсивно развивающимся знанием, в том числе и *knowledge-based economy* – экономикой знания. Новая информационная эпоха требует обновленного, комплексного взгляда на экономику, политику, общество, науку для более полного осознания и оценки общегуманитарной роли экономических, социальных, культурных, психологических, антропологических факторов, а также взаимодействия двух сфер – информационной и инновационной. Таким образом, история информационного общества выстраивается на основе интеллектуальной конверсии, позволяющей личности достойно отвечать на вызов времени созданием новых парадигм в когнитивной теории, эпистемологии, метафизики и методологии, и моральной конверсии, способствующей прогрессу, так как человек стремится к созданию новых ценностей в любой сфере, решая более глобальные задачи, чем удовлетворение только личных потребностей.

История зарождения феномена информационного общества позволяет проследить диалектику формирования концепта *информационное общество*.

а. Этап 1. Зарождение аналитического понятия ‘информационное общество’. *Основы концепции информационного общества прослеживаются в работах Фрица Маклупа. Он был первым, кто отделил категоризированное знание и информационные задачи от обычной индустриальной и социальной деятельности (см. подробнее: [11: 5]). Фриц Маклуп выделил 5 секторов (образование, коммуникативные медиа; информационные механизмы, информационные службы; другие виды информационной деятельности), которые могут быть определены и объяснены экономическими достижениями. Именно работы Ф. Маклупа позволили Питеру Дракеру несколько лет спустя отметить, что стремление к дешевой, надежной, быстрой, универсальной и доступной информации оказывает такое же влияние на общество, как возникновение электричества [11: 27].*

Основываясь на статистических исследованиях, в середине 1970-х годов Марк Порат пишет доклад для правительства США «Информационная экономика», где отмечает существование двух дополнительных информационных секторов – основополагающего и второстепенного. В основополагающем секторе, по мнению аналитика, индустрия знаний манипулирует процессом приобретения и создания знания и информации, чтобы произвести новые интеллектуальные продукты и службы. Во вторичном секторе манипуляция знанием и

информацией является частью материального производительного процесса, информация используется в производстве, продаже материальной продукции и обеспечении обслуживания. Аналитические замечания М. Пората явились ключевым моментом в аргументировании происходящих трансформаций в обществе [16: 11–15].

b. Этап 2. Формирование научной парадигмы информационного общества. Примерно в это же время Даниэль Белл отметил подобные изменения в исследовании «Наступление постиндустриального общества» [3] и обосновал существование трех динамичных факторов развития: теоретическое знание должно становиться все более значимым; в будущем ожидается выдвигание на передний план вопросов технологии, ее контроля и потенциала для трансформации; возникнут новые процессы принятия решений [3: 14]. Ученый утверждает, что в информационную эпоху роль экспертов будет усиливаться. Д. Белл характеризует постиндустриальное общество как новую тенденцию «игр между людьми», сферу индивидуализированного социального существования.

В другом раннем анализе особенностей новой информационной эпохи Алвин Тоффлер отмечает, что чувство дезорганизации и тревоги у многих людей в начале 1960-х напрямую связано с «будущим шоком» и невозможностью совладать со все увеличивающимися изменениями зарождающегося информационного века [15]. Этот процесс является таким разъединением с прошлым, таким новым способом организации общества (Тоффлер проводит вектор от психологических изменений через социальные к международным отношениям), который представлен во всех структурах человеческого знания, прежде всего, в языке и литературе.

с. Этап 3. Зарождение общества коммуникации и информации. Зарождение информационных технологий привело к глобальному переосмыслению мира. Это заявление было сделано Маршалом МакЛюэном, которому принадлежат метафоры, вошедшие сегодня в терминологический аппарат западных учебников – «глобальная деревня», «век информации», «среда – это сообщение» (medium is message). Говоря об исторических перспективах информационных революций, МакЛюэн обращался, прежде всего, к типографским инновациям XV века. Он отмечал, что вмонтирование вовнутрь типографических репродукций (отделение языка и информации в рекомбинированных частях), и одновременно осознанная экспансия в распределении знания явились революцией, приведшей к изменению всего печатного дела [12]. Сравнение, используемое МакЛюэном относительно движения медиа в сторону горячих (закрытое, однонаправленное/переданное, завершённое сообщение) и холодных (открытое, разнонаправленное/интерактивное сообщение), вызвано желанием подчеркнуть интерактивность вовлеченности сетей в передачу информации. МакЛюэн аргументирует появление новых «холодных» технологий, расширяющих человеческие возможности и увеличивающих те аспекты практики, которые изначально были ограничены в пространстве или во времени. В то время как Маклуп предпринимал попытку определить количество экономических изменений, порожденных новыми технологиями в начале 1960-х, МакЛюэн размышлял о технологическом продвижении общественных трансформаций. Общество часто представляется суммой коммуникаций, происходящих внутри него, и влияние технологии на коммуникацию, следовательно, остается в центре многих исследований нового века.

Марк Постер, например, использовал знаменитое положение МакЛюэна, «medium is message» и выделил три модуса информации, три различных способа соположения коммуникативного знания и бытия в обществе, говоря о том, что «история может быть периодизирована изменениями в структуре способов коммуникации» [14: 6]. Различным эпохам присущи различные коммуникативные стратегии и тактики, что приводит к возникновению новых обществ. М. Постер экспериментально идентифицирует главные этапы развития коммуникативных технологий, такие как «лицом к лицу»; словесно опосредованная замена; записанные изменения, опосредованные печатанием; электронно опосредованные изменения. Первый этап характеризуется «символическими соответствиями, второй – представлением знаков, третий – информационной симуляцией (simulations) [14: 6]. Одним из ключевых моментов грядущих трансформаций информационного общества являются когнитивные возможности людей и их коммуникативный потенциал. Истер Дисон замечает, что каждая личность должна проявить себя, потому что, формируя сети и поддерживая их соответствующей информацией, мы получаем множественные

преимущества; каждая отдельная личность должна играть активную роль в существующих сообществах или создавать свои собственные; мы можем предлагать свои продукты через сеть, помогая, таким образом, себе и другим (см. подробнее: [9: 281–286]).

d. Этап 4. От информационного общества к сетевому сообществу. Этот этап обусловлен двумя типами изменений – трансформацией общества (и его экономики) и трансформацией сознания людей. Используя эти два типа изменений, М. Кастельс сделал вывод о том, что компьютерные технологии продуцируют новый тип общества – сетевой [4: 7]. М. Кастельс был первым исследователем, который определил всю значимость повсеместного распространения сетевых технологий и отметил, что этот процесс является продуктом сетевого общества, в котором не только компании, но и личности могут получать выгоду от новых коммуникативных возможностей. Электронные сети поддерживают развитие и распространение знаний и информации, дающих возможность более быстрой адаптации. Кроме того, М. Кастельс обратил внимание на то, что развивающиеся процессы изменились от бытия, основанного на физических ресурсах, к возрастанию доверия к мобилизации и координации знаний и информации. Эти процессы приводят к возникновению информационного капитализма и сетевого сообщества. Одновременно с этими изменениями возникли изменения социального характера. М. Кастельс рассматривает информационную эпоху не только как сплав положительных моментов, но и как эпоху расколотых коммуникаций: мир стал более фрагментирован и разобщен, в нем превалируют навязанные образы, коммуникативное пространство коммерциализировано, продуцируются новые взаимоотношения между пространством и временем. Рассматривая всевозможные аргументы «за» и «против» глобализации, Кастельс предлагает новые категории для осознания этого процесса – «бесконечное время» («timeless time») и «пространство потоков» («space of flows»): время не является протяженностью, фиксирующей последовательность событий, оно может быть аккумулировано через совокупность информации и уничтожено коммуникацией, происходящей мгновенно и не ограниченной никакими пространственными измерениями; пространственная конструкция нашего мира сегодня более зависит от потока сетевых электронных сигналов, чем от физической дислокации. Все эти особенности вызвали к жизни новый информационный век.

«Времена, в которые мы живем, полны угроз и опасностей. Но мы настолько занялись собственными делами, что, в конце концов, утратили представление о сложности окружающего нас мира... В истории трудно найти другой период, когда люди смотрели бы в будущее с такой неподдельной тревогой. В самом деле, это похоже на возврат к Средним векам, когда разум человека был обхвачен страхом перед наступлением нового тысячелетия...» [2]. Эти слова принадлежат Аурелио Печчеи, основателю и первому президенту «Римского клуба», они были произнесены им еще в середине 60-х годов прошлого века – как раз накануне «вступления в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории» (З. Бжезинский), «великого перелома» (Р. Диес-Хохлайтнер – нынешний президент Римского клуба), или «мировой революции» (И. Валлерстайн). Как видим, уже в те годы общество было озабочено проблемой будущего современной цивилизации, уже тогда разгорались дискуссии о новом устройстве общества, грядущих переменах в системе знаний и преобразовании мира.

История, интерпретация и диалектика концепта *‘информационное общество’* позволяют выделить не только основы его функционирования и развития, но и негативные тенденции в формировании языковой картины мира и языкового сознания современного общества:

1. Появилась беспрецедентная возможности контроля над каждым индивидом. И если этот контроль попадает в руки групп, располагающих властными функциями, ни о какой демократии говорить не придется. Языковое сознание каждого человека подвергается воздействию и моделированию.

2. Происходит концентрация информации, которая может быть использована как для манипулятивного воздействия на человека, общество, так и для его консолидации.

3. С помощью Интернета распространяется значительное количество материалов, потребление которых ведет к девальвации духовных ценностей, деструктивным изменениям языковой картины мира как отдельного человека, так и сообщества.

4. Інформація виступає в якості важкого стимулятора перемен в обществe, формуючи «інформаційне свiзнання».

5. Ряд сетевих сообществ формуються на основe деструктивних мовних картин мiра – всевозможні ресурси терористических організацій, культових теченій, порносайти и пр.

6. Інтернет не просто розширяє общество, он створює неке его нове качество, принципиально мeняє характер взаимосв'язей громадян с властью, лишая власть одного из главных ее ресурсов – монополії на інформацію. Кождий громадянин в Інтернетe отримує можливість не только потребляти інформацію, но и розпространяти ее. Тем самым мeняються ієрархическіє моделі організації общества, котріє були характерні для інформаційної революції.

Возникає проблема регулювання електронної демократії. Обычно вопрос о регулюванні воспринимается в негативном ключе. Но дело в том, что реальної альтернативою управляемості, регулюемості процесов в сферe інформаційних технологій може бути только хаос. И этот хаос в транснаціональних сетях Інтернета чреват самими негативними послeдствіями.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Неклеса А.И. Глобализация: новый цивилизационный контекст. – www.futureussia.ru/conf/forum_infosociety_neklssa.html.
2. Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / Под ред. Д.М. Гвишиани. – М.: Едиториал УРСС, 1997. – 240 с.
3. 199Bell D. The coming of Post-Industrial society. – London: Heinemann Educational, 1974. Эл. ресурс: <http://www.polybiblio.com/lameduck/688.html>.
4. Castells M. The Rise of Network Society, Vol.1 of the International Age: Economy, Society and Culture. – Oxford: Blackwell, 1996. – 320 p.
5. Castells M. An Introduction of the Introduction Age, City 7. – 1997. – P.6–16.
6. Castells M. The Power of Identity, Vol.2 of the International Age: Economy, Society and Culture. – Oxford: Blackwell, 1997. – 280 p.
7. Castells M. End of Millennium, Vol.3 of the International Age: Economy, Society and Culture. – Oxford: Blackwell, 1998. – 242 p.
8. Drucker P. The Age of Discontinuity: Guidelines to our Changing Society. – New York: Haper and Row, 1968. – 210 p.
9. Dyson E. Release 2.0: A Design for Living in the Digital Age. – London: Viking, 1997.
10. Gore A. Basic Principles for Building an Information Society // International Information Communication and Education. – 1996. – №2. – P. 226–228.
11. May Ch. The Information Society: A Sceptual view. – USA: Polity Press, 2002. – 190 p.
12. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy. – Toronto: University of Toronto Press, 1962. – 360 p.
13. 294Poirier R. The Information Economy Approach: Characteristics, Limitations and Future Prospects // The Information Society 7. – 1990. – №4. – P. 245–285.
14. Poster M. Cyberdemocracy: The Internet and the Public Sphere // Reading Digital Culture / Ed. by Trend D. – USA: Blackwell Publishers Ltd, 2000. – P. 259–271.
15. Toffler A. Future Shock. – London: Pan Books, 1970. – 280 p.
16. Webster F. Theory of the Information Society. – London: Routledge, 1995. – 286 p.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Лариса Компанцева – доктор філологічних наук, доцент, завідувач кафедри теорії і практики перекладу Національної академії СБУ.

Наукові інтереси: когнітивна лінгвістика.

КАРТИНА СВІТУ В ТРАГЕДІЯХ ШЕКСПІРА: ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦІЇ ТА МОДЕЛЮВАННЯ

Віра НІКОНОВА (Дніпропетровськ, Україна)

У статті розглянуто проблему реконструкції картини світу в трагедіях Шекспіра, описано лінгвокогнітивні процедури моделювання трагедійної картини світу, охарактеризовано основні компоненти моделі трагічного в поезії Шекспіра.

The problem of reconstruction of the world picture in Shakespeare's tragedies is investigated in this paper. The description of linguistic and cognitive procedures of the tragic world picture modeling is given. The main components of the model of the tragic in Shakespeare's poetics are analyzed.

Проблема людини і мови здобуває останнім часом усе більшу актуальність у зв'язку з розв'язанням значного числа теоретичних і прикладних завдань. До перших відноситься розробка методології лінгвістичного дослідження, співвідношення загальнолінгвістичних категорій і категорій мислення. Прикладні завдання визначаються вивченням способів